

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ

**ИНСТИТУТ ЕВРОПЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ
НАУК**

125009, МОСКВА, МОХОВАЯ УЛ., 11-3
ТЕЛ.: +7(495)692-10-51/629-45-07
ФАКС: +7(495)629-92-96
WWW.INSTITUTEOFEUROPE.RU

**INSTITUTE OF EUROPE
RUSSIAN ACADEMY OF
SCIENCES**

125009, MOSCOW, MOKHOVAYA STR., 11-3
TEL.: +7(495)692-10-51/629-45-07
FAX: +7(495)629-92-96
WWW.IERAS.RU

Аналитическая записка №11, 2015 (№11)

Шведская модель: прошлое и настоящее

Наталья Плевако

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник
Центра партийно-политических исследований ИЕ РАН

Справедливы ли утверждения ряда авторов о конце шведской модели, которая в течение многих лет привлекала пристальное внимание обществоведов, политиков и журналистов? Шведская модель – это не только экономические и социальные отношения, это еще и особый тип культуры, поведенческих стереотипов, менталитета, который складывался исторически и не может исчезнуть в короткие сроки.

Шведская модель

Шведская модель – привычное, устоявшееся понятие, которым пользуются как в самой Швеции, так и в других странах, включая и нашу. Однако смысловое содержание его неопределенно и зависит от того, кто пишет о модели и что хочет почерпнуть из шведского многообразного опыта автор. Само понятие появилось в XX в. и связано с бесспорными успехами бедной в недавнем прошлом страны в сфере экономики, социального обеспечения и внешней политики. Интерес к шведскому опыту стал особенно заметен в послевоенный период, когда шведская модель переживала свой «золотой век». В то время использовать и внедрить этот опыт полностью или частично стремились многие политики в разных странах, правда, без большого успеха. Внимание к шведской модели, которую иногда трактуют в расширительном варианте как скандинавскую модель, возродилось с новой силой в условиях растущей

глобализации, когда, казалось, что рычаги управления моделью перестали слушаться политиков. И в самой стране, и за ее пределами стали говорить о кризисе модели и даже о ее конце. Однако не преждевременны ли эти заключения?

В последнее время политики и ученые-политологи стали говорить о формировании «новой шведской модели», с помощью которой стране удалось успешно преодолеть финансовый кризис, сохранить высокий уровень социального обеспечения, внедрив рыночные механизмы в сферу социального благосостояния, которая ранее обслуживалась почти исключительно государством. В то же время возник соблазн усмотреть в шведской модели некую моральную защиту против слепого, подчиняющего себе все и вся воздействия глобализации.

Шведская модель – это поразительное сочетание новаторской социальной политики с вековыми исторически сложившимися политическими традициями. Шведская модель – это торжество эволюции, не отрицающей системных преобразований, но исключая революционную катастрофу. Одни видят ядро модели в отлаженной и высокоэффективной экономике страны, другие – в социальной системе, которая способна предоставить человеку защиту и обеспеченное существование от колыбели до могилы, третьи выделяют развитое гражданское общество и демократию, наполняющую все клеточки шведского общества. Все это верно, и в то же время многое из того, что мы видим в Швеции, без особого труда можно наблюдать и в других странах Запада. Особенность, точно отличающая Швецию от многих других стран – неуклонное движение, без перерыва постепенности, по пути преобразований, исключая заметные колебания и отступления. И разрыв здесь между «правыми» и «левыми» не столь резок, как во многих странах Европы, а влиянием радикалов разного толка в жизни нации до последнего времени можно было почти всегда пренебрегать, как математической погрешностью. Эта особенность большинством исследователей, занимающихся изучением Швеции, как правило, справедливо связывается с длительным пребыванием у власти социал-демократической партии, которая начиная с 1930-х годов год за годом выкладывала стены сооружения, которое в планах социал-демократии еще в конце 1920-х годов получило название «дома для народа». Можно сказать, что по социал-демократическим чертежам был осуществлен долговременный социально-политический эксперимент, и шведская жизнь стала окрашиваться в социалистические тона. Причем настолько, что многие (правда, не сами шведы) стали говорить о «шведском социализме»¹.

Возникновение такой привязки шведской модели к социал-демократии и самого появления понятия относятся к 1950–1960 годам. И это неслучайно. В эти годы достигло высшего накала идеологическое и геополитическое противостояние между

¹ Поскольку в ряде других стран Северной Европы наблюдались сходные процессы, то возникло конкурирующее, но менее определенное понятие – «скандинавский социализм».

двумя блоками под руководством СССР и США. Многих политиков и политических мыслителей занимали проблемы перспектив выхода из этого противостояния без всемирных военных катаклизмов, угрожавших уничтожением самого человечества. Понимание того факта, что капитализм справедливо подвергается критике как система, покоящаяся на принципах социального неравенства, а социализм, каким его являл миру Советский Союз и его сателлиты, существенно ограничивает права и свободы личности, поставило вопрос о поисках иных путей (это касалось как развитых стран, так и тех, кого относили к «третьему миру»). На этой основе возникли различные теории конвергенции, допускавшие сочетание черт капитализма (рыночная экономика, политическая демократия) и социализма (социальное равенство). Реальное воплощение этих идей стали находить в Швеции с ее в целом сложившейся к тому времени специфической социально-экономической конструкцией и, быть может, самое главное, отличимой от остального мира системой ценностей. Такая трактовка приводила к отождествлению понятий «шведская модель» и «шведская модель социализма» и, что важно, вводила модель в исторически определенные рамки (пока социал-демократия сильна, модель надежно функционирует, ослабление социал-демократии ведет к дезорганизации созданной по ее лекалам системы).

Любопытно, что за пределами Швеции особенно активно заговорили о судьбе шведской модели и ее составляющих в период, когда выстроенная под руководством социал-демократов система стала испытывать трудности, деформироваться под действием различных факторов. Потеря Швецией приоритетных позиций в сфере благосостояния, перемещение ее с первых мест в списке самых богатых индустриально развитых стран мира на места в конце второго десятка на рубеже 1980–1990 годов позволило говорить о кризисе модели, а в дальнейшем и о ее крахе. Действительно, подверглись эрозии такие основополагающие ее элементы, как переговорный процесс, политика «солидарной заработной платы», дал трещину знаменитый «исторический компромисс» между трудом и крупным капиталом, стала сужаться сфера социальной поддержки, организованной в рамках «государства всеобщего благосостояния». Большинство исследователей согласны с тем, что основные составляющие модели, выстроенной в годы правления социал-демократов с помощью методов социальной инженерии, более не актуальны. И все же на вопрос, обращенный к шведам самых разных политических воззрений, считают ли они, что характеристики шведской модели все еще определяют общественные отношения в стране, они отвечают после некоторого раздумья утвердительно. Кто-то при этом говорит: осталась востребованной справедливость, кто-то называет стремление к равенству, кто-то вспоминает про толерантность, кто-то про основополагающую роль консенсуса, рационализм, экологическое сознание...

Кризис «модели» в конце прошлого столетия часто связывают с действием психологического фактора, выразившегося в некоей пресыщенности шведов социал-демократическими программами, которые потеряли былую привлекательность для избирателей. Глобализация лишь активизировала этот процесс. Рамки программ, предназначенных для осуществления в национальном государстве, стали тесны для менявшегося сознания избирателя, и, казалось бы, некоторые нерушимые институты стали подвергаться все более разрушительной критике. Это касалось в первую очередь отвечавшего за предоставление социальных благ общественного сектора экономики, развитие которого требовало увеличения и без того высоких налогов. Лозунги свободы выбора, развития частной инициативы в социальной сфере, коррекции социально-экономической системы, выдвинутые оппонентами социал-демократов из буржуазных партий, находили понимание и поддержку растущей части населения. Переход власти в 1991 г. к буржуазному блоку стал естественным и логическим завершением того кризиса, который испытывала традиционная шведская модель. Недаром некоторые социал-демократы именно эту дату считают концом модели².

Но правильно ли при рассмотрении модели ограничиваться хронологическими рамками политического доминирования социал-демократии? Действительно, Швеция преобразилась в этот период: из бедной крестьянской страны со скученным рабочим населением двух крупных по масштабам страны городов она превратилась в одну из богатейших стран мира с развитой промышленностью, наукой и вызывающей зависть за рубежом развитой системой социальной защиты, которая создает надежные гарантии как от нищеты, так и революционных потрясений, лабораторией, где продуманные эксперименты дают, как правило, положительный эффект. Однако возникает вопрос: только ли шведская социал-демократия «виновна» в происхождении этой модели, ставшей притчей во всех языках? Этот вопрос можно сформулировать и в более широком смысле: «Шведская модель создала Швецию или Швеция создала эту модель?». Не взглянуть ли внимательнее на роль исторических традиций, культуры, менталитета в формировании современной Швеции, которые незримо корректируют течение социально-политических процессов, естественным образом отражаются на жизни этой самой модели? Это особенно актуально в настоящий период, когда страна превращается в многонациональный мультикультурный конгломерат, в котором неизбежно сталкиваются самые различные культурные ценности, нормы поведения и конфессиональные отличия.

² Несомненное влияние на ситуацию в Швеции, как и в остальном мире, оказало крушение социализма в СССР, что позволило поставить под сомнение саму социалистическую идею, рассматриваемую отныне, как нереализуемую утопию. Это интересная самостоятельная тема, еще ждущая глубоких исследований, и мы касаться здесь ее не будем.

Очевидно, что на этот вопрос нет простого ответа. Предстоит разобраться и в более общих проблемах, связанных с методологией познания содержания и направления исторического процесса, который разворачивается, на наш взгляд, в пространстве, формируемом тремя направляющими: традицией, новацией и контаминацией, понимаемой как восприятие различных форм бытия, приходящих извне. Что касается последней, то она становится все более значимой во времени и связана в первую очередь с развитием науки и техники, диктатурой моды, причудами глобализации, обернувшейся в наше время беспринципностью постмодернизма, который позволяет поклоняться любым богам или не признавать ни одного из них. Шведы всегда были открыты в отношении заимствований, но и строги в плане их использования: пусть паровозы будут как у американцев, но ездить они будут по шведским правилам. То же и социал-демократия: она – родня европейским партиям, выпестованным гуру Второго Интернационала, но родословную свою ведет от портного, папаша Пальма, который что-то взял от марксистов, что-то от лассальянцев, что-то от британского тред-юнионизма, придавая всем заимствованиям какой-то домашний шведский вид.

Что касается новаций, то шведы оказались предприимчивым народом и не только сделали массу полезных изобретений, разлетевшихся по всему миру, но и подобно зороастрийцам, поклонявшимся огню, создали культ науки, свидетельством чему явились Нобелевские премии, чтимые во всем цивилизованном мире. Столь же смелыми новаторами, как и в науках, шведы явились и в сфере преобразования социальных отношений, поручив изготовление рабочих чертежей этих преобразований социал-демократам. Социал-демократическая методология, совершенствовавшаяся в послевоенный период, способствовала тому, что национальная идентичность шведов стала с еще большей очевидностью связываться с идеей модернизации, принадлежности нации к авангарду, к мировой элите («техника, дизайн, наука, социальное планирование, помощь развивающимся странам, защита окружающей среды, политика равенства и равноправия полов – всюду Швеция была впереди»)³. Это отмечает известный историк А.В. Юханссон в антологии под названием «Что такое Швеция?»: «Мы стали смотреть на себя как на любимое дитя просветительского проекта, к которому должны были подраживать другие страны»⁴. По всей видимости, эта черта «новой национальной идентичности» отчасти определяет и современное развитие страны. Ушла в прошлое социал-демократическая гегемония, а мир по-прежнему наблюдает модернизационные успехи Швеции, развитие новых технологий, инженерных решений, внедрение их в практику. Но не сама по себе ставка на развитие инновационных технологий является характеристикой современной Швеции (ибо нет страны, где бы ни говорили о необходимости инноваций), а то, как

³ Vad ar Sverige? Roster om svensk nationell identitet / Red. A.W. Johansson. Stockholm, 2001. S. 8.

⁴ Ibid.

адекватно и гибко шведская экономика откликается на них, продолжает оставаться частью шведской идентичности.

Ну, а что же с традициям? Обратившись к этой сфере, мы обнаружим много любопытного и поучительного. Прежде всего надо иметь в виду, что речь идет о культуре, которая не в меньшей степени является фундаментальной основой развития любого социума, нежели экономика. Более того, в самом широком смысле экономику (типы производственных отношений, уровни производительных сил, экономические знания) можно рассматривать как важнейший элемент культуры, а вместе экономику и культуру – как взаимно коррелируемые элементы бытия. Культура одновременно обладает и большой степенью изменчивости, когда в течение жизни одного поколения происходят колоссальные сдвиги под воздействием различных факторов (промышленный переворот, информационная революция, распространение новых идеологий и религий), и устойчивым консерватизмом, когда продолжают действовать ментальные и поведенческие стереотипы, появившиеся в давно ушедшие эпохи.

Швеция дает тому немало примеров. И это позволяет взглянуть на шведскую модель и ее судьбу с другой стороны, видя в ней не только воплощенные идеи социал-демократии, но и некий продукт всей шведской истории. Рассмотрим последовательно эти исторические предпосылки вызревания и сохранения важнейших составляющих шведской модели.

Стремление к консенсусу

Обратившись к истории, легко убедиться: социал-демократическая модель выросла не на пустом месте, она впитала в себя тренды минувших времен. Одна из характерных черт исторического развития Швеции – стремление к сотрудничеству, достижение целей путем переговоров, поиски и обретение консенсуса. Хорошо известный пример из истории в этом смысле – представительство свободных крестьян в парламенте и местных органах самоуправления. Начиная с середины XVI в., крестьяне заседают в риксдаге, принимают участие в его решениях, обсуждают прошения с мест, касающиеся взимания налогов. Велика и роль органов правосудия, где крестьяне были представлены в работе комиссий, их мнение принималось в расчет, они уже тогда имели возможность влиять на принятие решений. Так строилась система консенсуса, выстраивался диалог государственной власти и народа, создавались предпосылки для создания в будущем корпоративной системы. Известный историк Э. Эстерберг прямо проводит параллели между тем временем и XX в., сравнивая поведение действующих лиц. «Крестьяне прирастали своими железными задами к скамьям на судебных заседаниях и в приходах, столь же упрямые, как профсоюзные боссы за столом переговоров»⁵. Именно в этом умении

⁵ Osterberg E. Vardagens strava samforstand, i «Tycka, tanka, tro». Stockholm, 1993. S. 145.

вести диалог Э. Эстерберг видит причину того, что социальные изменения в Швеции носили эволюционный характер. Здесь было гораздо меньше кровавых столкновений, чем в других странах Европы.

По ее мнению, культура переговоров стала залогом успехов страны и сутью шведской модели.

Сальтшебаденский договор, заключенный в 1938 г. между Шведским объединением предпринимателей и Центральным объединением профсоюзов Швеции был призван регламентировать заключение коллективных договоров между сторонами. Трудовые отношения регулировались предпринимательской стороной и профсоюзами практически без вмешательства государства. Система социального партнерства предполагала широкое обсуждение проблем трудовых отношений и нахождение компромисса между сторонами. Ни законодательные, ни исполнительные органы не регулировали трудовые отношения вплоть до 1970-х годов, когда, исходя из потребностей экономического роста, шведские предприниматели с согласия части профсоюзных организаций добились под лозунгами децентрализации и демократизации системы заключения отдельных, несогласованных с другими объединениями коллективных договоров. «Дух Сальтшебадена» – важнейший наполнитель социал-демократической модели стал испаряться. Однако приверженность системе переговоров сохранилась и после прихода партий буржуазного блока к власти. В 2007 г. в предпринимательских кругах заговорили о необходимости реанимировать Сальтшебаденский договор для того, чтобы решить назревшие проблемы в сфере отношений между трудом и капиталом. Союз предпринимателей, выступивший с такой инициативой, стремился теперь ввести право профсоюзов на производственный конфликт в жесткие рамки всеобщего соглашения. И тот факт, что у власти находилось буржуазное, а не социал-демократическое правительство, никак не отразилось на стремлении решить проблему исторически испытанными переговорными средствами для достижения консенсуса. Новый основной договор «мог бы стать началом и основой такой реформистской работы. Пересмотр и модернизация правил организации переговоров по заключению коллективных договоров и создание правил игры в случае конфликтов на рынке труда необходимы», заключал Союз предпринимателей⁶.

Шведы замечательные мастера искать и находить решения, удовлетворяющие максимально большей части заинтересованных субъектов. Решения принимаются после тщательного изучения предмета, когда большинство убеждается в необходимости или неизбежности его принятия. Как сегодня, так и сотни лет назад воля отдельных людей переплавлялась в коллективную волю нации не с помощью

⁶ Dagens Industri. 2007. 21 september.

насилия (особенно в его открытой форме), а через стремление достичь консенсуса. Даже в эпоху абсолютизма при Густаве III функции Государственного совета, представленного только дворянами, были сокращены и образован подготовительный комитет при правительстве, состоявший наполовину из нефрельсовых (низших) сословий.

Демократизм

Эта категория тесно связана с предыдущей и с давних времен отличает Швецию. Еще в XVIII в. было принято решение, что не происхождение, а заслуги будут приниматься во внимание при назначении на должности государственных чиновников⁷. Различия между сословиями выступали в Швеции не так очевидно, сословные ограничения и привилегии носили весьма условный характер, что без потрясений позволило рано проявить себя гражданскому обществу. Самодеятельность населения особенно ярко проявила себя в середине – второй половине XIX в. в связи с возникновением сначала движения за свободную церковь, чуть позже движения за трезвость, кооперативного, а далее и рабочего движения (шведские историки причисляют рабочее движение к крупнейшим народным движениям). Все эти движения рождались как ответ на проблемы, возникающие в ходе общественного развития, в данном случае ответ на индустриализацию, быстро менявшую крестьянскую страну и привычный образ жизни со всеми вытекающими отсюда последствиями. Народные движения стали школой демократии для населения, которое чувствовало необходимость действий для желаемых перемен и силы для осуществления этих целей. Развитие народных движений, методы, применяемые ими, никогда не были связаны с насилием. И здесь возникает вопрос своеобразия взаимоотношений власти и народа в этой стране. Власть в Швеции не только не мешала активности участников народных движений, но и способствовала их успеху. Она рано пришла к осознанию того факта, что мирные преобразования плодотворней насильственных методов. В ранних народных движениях в Швеции чувствовалось влияние этических и религиозных норм прошлого, наблюдалась преемственность идей, поведения и идеалов их участников. Пуританская этика определяла не только движение за свободную церковь или движение трезвенников, но также и раннее рабочее движение. Большой процент участников рабочего движения были сознательными борцами за трезвость, соблюдавшими жесткие нормы поведения и строгость жизненных принципов. Не этой ли преемственностью объясняется быстрый рост и сила рабочего движения Швеции?

Существует мнение, что народные движения прекратили свое существование в начале XX в. по мере того, как государство стало брать на себя их функции. Вряд ли можно

⁷ См.: Мелин Я., Юханссон А.В., Хеденборг С. История Швеции. М., 2002. С. 161.

согласиться с этим, ибо современное женское движение с полным основанием можно назвать народным движением, которое возникло из-за неудовлетворенности женщин своим положением и недостаточно активной политикой государственных властей в преодолении неравноправия полов. Деятельность небольших групп активисток, ратующих за равные экономические и социальные права женщин в обществе и приступивших к энергичным действиям в 1960–1970-е годы, когда занятость женщин достигла очень высоких цифр и вызвала бремя двойной нагрузки – работа и семья, переросла в широкое движение. И это движение оказывает большое влияние на политику государственных властей, которые считают себя обязанными обсуждать и принимать законы, улучшающие положение женщин. Объединившись, создав свои организации, шведские женщины добились многого, став примером для подражания в других странах. Они завоевали равное с мужчинами право представительства в органах власти (50%/50%), добились справедливого распределения обязанностей с мужчинами при уходе за детьми, наконец, принятия беспрецедентного закона о проституции, согласно которому наказание за проституцию несет не женщина, а мужчина, воспользовавшийся услугами проститутки (историк А. Юханссон видит в этом далекие отголоски пуританской этики). Важно при этом отметить, что женское движение в Швеции не прибегало к законодательному квотированию своего представительства в органах власти, как это было во многих других странах. Его сила и влияние были достаточны для оказания давления и без формального квотирования. Власти уважали это народное движение и шли навстречу его требованиям.

Стремление к равенству и справедливости

Эта категория кажется наименее определимой. И, тем не менее, она важна. Не раз приходилось спрашивать у шведов, какая черта в наибольшей степени присуща их нации, и чаще других приходилось слышать: у нас больше всего ценится справедливость или, рассуждая о неолиберальных веяниях последних десятилетий с горечью: мы теряем равенство. Справедливость выражается прежде всего в равенстве перед законом, одинаковым для всех доступе к образованию, получению медицинской помощи⁸, информации. «Страна должна строиться законом, а не насилием», – было записано в далеком 1296 г. в законах провинции Уппланд, задолго до образования единого шведского государства⁹. Член королевского дома, для того чтобы отдать своего ребенка в дошкольное образовательное учреждение, должен был,

⁸ В связи с появлением частных клиник широко обсуждается вопрос о возникающем неравенстве в сфере медицинского обслуживания для богатых и малообеспеченных пациентов. Созданы государственные советы по этике, в задачи которых входит разработка мер по предотвращению отрицательных последствий развития частной медицины. См.: Dagens Nyheter. 2015. 29 januari.

⁹ Ludvig von Mises- Institutet i Sverige. 2012. 31 januari. Доступ: <http://www.mises.se/2012/01/31/land-skall-med-lag-byggas/>

как любой гражданин, подать заявление в соответствующий муниципальный орган и ждать места в группе. У высокопоставленного чиновника, нарушившего нормы закона не больше шансов сохранить свою должность, чем у мелкого клерка, оказавшегося в такой же переделке. Отсюда значительно меньшие по сравнению с другими странами масштабы коррупции. Символом гражданской добродетели для шведов стал их премьер-министр Ханссон, умерший от сердечного приступа на остановке в терпеливом ожидании (как все!) трамвая. Диктатура закона, выработанного и принятого волей демократически избранных представителей всех слоев населения, воспринимается до сих пор как бесспорная ценность, и коррупционные скандалы последних лет вызывают сожаление и негодование всех шведов.

Требование справедливости тесно связано с эгалитаризмом и в шведском обществе. Разница в оплате труда высокооплачиваемых и низкооплачиваемых работников была и продолжает быть традиционно меньше, чем в других странах Европы. Шведы считают, что это консолидирует солидарность в обществе и уменьшает опасность конфликтов. Кроме того, равенство, по мнению шведов, дает большую независимость индивиду. Влияние глобализации и неолиберальных тенденций в экономике, рост иммиграции вели к тому, что эта разница стала увеличиваться, расслоение возросло. Среди американских политиков широко распространено суждение, что чем больше разница в доходах и слабее социальные связи, тем выше социальная мобильность. Проведенные в Швеции исследования свидетельствуют об обратном: 7,9% молодых американцев имеют возможность перейти из низшей имущественной группы, где пребывает отец, в высшую группу. Соответствующие цифры для Швеции -10,9%. Остаться в той же низшей группе грозит 42,2% американцев и 26,2% шведов¹⁰. Равенство, по мнению шведских исследователей, увеличивает социальную активность, действенность гражданского общества.

Решающее значение для повышения социального статуса играет система образования. И в этой сфере произошли изменения, свидетельствующие о расслоении общества. Помимо коммунальных школ, которые действовали под эгидой общественного сектора и в которые ходили практически все шведы еще три десятилетия назад, появились частные (так называемые свободные школы). Они пользуются достаточной популярностью у шведов, прежде всего коренных жителей страны, которые опасаются, что качество образования в коммунальных школах снизилось в связи с большим числом обучающихся там детей-иммигрантов. Но частная инициатива в сфере образования не означает, что родители должны платить за обучение своих детей. Средства поступают от коммуны. Таким образом, образование как было бесплатным, так и осталось. Бесплатным является и высшее

¹⁰ Fria Tidningar. 2010. 21 april.

образование. Это стимулирует равенство возможностей и увеличивает шансы молодых людей достичь успеха в жизни.

Толерантность

Вопрос о толерантности в Швеции стал особенно актуальным в связи с ростом иммиграции в стране. За очень короткий период, примерно 30 лет, Швеция превратилась из моноэтнического государства в полиэтническое, мультикультурное общество, где около 15% населения родились за пределами Швеции. Но не только масштабы иммиграции волнуют коренное население, но и сам ее состав. Если в первые послевоенные десятилетия превалировала рабочая иммиграция, то в последнее время – это люди, ищущие убежища, беженцы и приезжающие по статье воссоединения семей. Адаптация и интеграция в Швеции у них происходит значительно медленнее, им трудно найти работу, значительная часть их живет на пособия. Общеизвестно, что политику по отношению к иммигрантам в Швеции отличают гуманизм и терпимость. Вместе с тем очевиден и другой факт: интеграция иммигрантов встречает здесь подчас значительное сопротивление, позволяющее некоторым группам иммигрантов утверждать, что они испытывают дискриминацию. Налицо – противоречие: с одной стороны, гуманность иммиграционной шведской политики, с другой – молчаливое неприятие культуры некоторых групп иммигрантов. В свою очередь, и отношение вновь прибывших к новой стране обитания отличается двойственностью: они дают позитивную оценку политическому и общественному устройству страны и не понимают устоев, поведение, культуру общения ее коренных жителей¹¹.

В решении проблем иммиграции существует множество аспектов: экономические и социальные, политические и культурологические. Вновь на повестке дня возникают, казалось бы, решенные проблемы социального расслоения, неравенства, новой бедности. С самого начала для решения вопросов, связанных с иммиграцией, политиками были задействованы испытанные методы социал-демократической модели, социальной инженерии, носителем и вдохновителем которых было профсоюзное движение¹². Именно оно выступало еще в 1960-е годы за вступление иммигрантов в шведские профсоюзы, за сохранение принципа равной оплаты за равный труд этнических шведов и иммигрантов, справедливо полагая, что несоблюдение этих принципов пагубно скажется как на положении приезжих, так и самих шведов. Надо заметить, что этого принципа шведские профсоюзы продолжают придерживаться и поныне, в условиях, когда правила приема, передвижения и оплаты рабочей силы из стран Евросоюза регламентируются в централизованном порядке этой организацией.

¹¹ Rojas M. Landet som doljer sig. Moderna Tider, 1993.

¹² Arbetarhistoria. 1994/2. N 70. S. 33.

В Швеции иммигрантам давно были предоставлены и политические права, еще в 1976 г. они получили право участвовать в муниципальных выборах и быть избранными в местные органы власти. Кроме того, государство поощряло практику образования национальных общин, материально стимулируя этот процесс, создавало условия для изучения шведского языка и культуры. В основу иммиграционных программ, принимаемых в 1970-е годы, кладется принцип мультикультурализма, свободы выбора иммигрантами культуры коренной нации или культуры страны исхода. Эти программы отличались смелостью, поскольку увязывались с идеей воплощения принципов справедливости и равенства. Однако постепенно контингент приезжающих в страну меняется. Значительная часть иммигрантов прибывает из мусульманских стран. Вскоре после принятия программы иммиграционной политики возникает неуверенность по поводу лозунга свободы выбора культуры. Кризис 1990-х годов еще больше обостряет иммиграционные проблемы, так как расходы на иммиграционную политику оказываются слишком затратными и не всегда приводящими к желаемому эффекту. Оказалось, что, несмотря на все старания, страна все же разделена на два лагеря: «мы» и «они». Как и в других западноевропейских странах, тут существуют иммигрантские анклав, а в последнее время (чего не было ранее) происходили и достаточно активные выступления иммигрантов, сопровождавшиеся поджогами и агрессивными действиями приезжей молодежи.

Одним из пунктов программы, в которой был выдвинут принцип мультикультурализма, касался воспитания терпимости у коренного населения и иммигрантов по отношению друг к другу. Особенно актуальным этот лозунг стал в период кризиса 1990-х годов, когда националистические настроения резко усилились. Была организована широкая информационная компания. В сфере образования проводились воспитательные мероприятия, способствовавшие развитию терпимости по отношению к людям других национальностей у маленьких детей и молодежи. По свидетельствам самих иммигрантов, это сыграло свою положительную роль.

Вместе с тем характерна и другая тенденция – быстрый рост влияния националистической партии Шведские демократы, в 2010 г. впервые получивших достаточное для представительства партии в риксдаге число голосов (5,7%). На выборах в сентябре 2014 года эта партия, выросшая численно и активно действующая на политической арене, приумножает свой успех, набрав уже 12, 86% голосов избирателей¹³. В том же году партия Шведские демократы вошла в Европарламент.

Предоставление политических прав иммигрантам, привлечение их на работу в органы самоуправления, стимулирование неэлекторального участия иммигрантов в политической жизни – суть попытки распространить механизмы, характерные для

¹³ www.val.se/val/val2014/slutresultat/R/rike/index.html

шведской политической жизни, на иммигрантское сообщество. Однако эта задача трудно поддается решению.

Модель устранимая и не устранимая

Придя в 1991 г. к власти на волне быстро распространяющихся в мире идей неоллиберализма, буржуазные партии спешат с проведением реформ, направленных на разрушение системы общественных отношений, построенной по социал-демократическим чертежам. При этом стараются сделать этот процесс трудно обратимым. Волна приватизации захлестывает в это время Швецию, а лозунг свободы выбора становится лозунгом перестройки сложившейся социально-экономической модели, особенно системы распределения. Не афишируя открыто стремление изменить эту систему, коалиционное правительство под руководством К. Бильдт (Умеренная коалиционная партия или модераты), фактически приступило к ее демонтажу.

Однако изменить в одночасье порядки в построенном доме с крепким и глубоким фундаментом оказалось сложным делом. Отстраненные от власти уже на следующих парламентских выборах в 1994 г., модераты вновь смогли сформировать правительство только через 12 лет. Однако этот опыт не прошел для них даром. В 2003 г. в партии появляется новый лидер, Ф. Райнфельдт, который кардинально меняет тактику борьбы за власть, в партии берутся на вооружение наиболее популярные социал-демократические лозунги: борьба с безработицей, улучшение социальной ситуации, активизация рабочей политики. Ф. Райнфельдт отказывается от выдвигавшегося ранее в партии лозунга необходимости смены всей системы, ибо понимает, что угроза коренной перестройки социальных отношений отпугнула бы массу неопределившихся избирателей; корректируются и требования снижения налогов. В предвыборной риторике ударение теперь переносится на лозунг идейного обновления. Модераты не ограничились заимствованием требований из социал-демократических программ, они утверждают, что именно они теперь являются подлинной рабочей партией страны. Эти усилия не пропали даром: в Швеции меняется расстановка политических сил. На выборах 2006 г. Умеренная коалиционная партия добивается наилучших с 1928 г. результатов, набирая 28,3% голосов избирателей (для сравнения – в 2002 г. она имела 15,3% голосов) и сплачивает вокруг себя блок буржуазных партий, успехи которого приумножились на следующих выборах 2010 г. Однако в 2014 г. модераты потерпели поражение, и хотя социал-демократы не одержали явную победу и им пришлось искать партнеров для создания коалиции, факт поражения неоспорим. Социологи и политологи еще не дали ясного ответа о причинах этого перехода власти. Мы можем выдвинуть только общую гипотезу. Смысл ее заключается в том, что в Швеции выработался единый социал-либеральный тренд, где программные различия так называемых буржуазных партий и

социал-демократии становятся все менее и менее заметными. В этих условиях дает о себе знать эффект двухпартийной, двухблоковой системы, когда избиратель попеременно дает возможность править то одной, то другой партии (блоку).

Но зачеркнуть и изменить модель, исправно работавшую большую часть XX в. и уходящую корнями, как мы попытались показать выше, не так легко. Она вошла в плоть и кровь шведов. Поэтому модераты постоянно оглядываются на социал-демократов, понимая, что открытая война с по-прежнему сильным противником не принесет выгоды. Парадоксален сам факт, что правые партии победили не обещаниями кардинальных изменений, а защитой государства благосостояния и обещаниями сделать его лучше. Формируется новая основа для поиска консенсуса.

В итоге мы сталкиваемся с парадоксом. Глобализация делает свое дело, нивелируя отличия между странами. Шведская модель в последние четверть века претерпела существенные деформации. Ее экономика приобрела такой же рыночный вид, как и экономика других стран Евросоюза. Социал-демократический проект сблизился с либеральным и мало отличим от него. Швеция испытывает те же трудности, что и остальная Европа: отраслевая и внутриотраслевая перестройка, сопровождающаяся избытком рабочей силы в одном месте и нехваткой в другом, неостановимые иммиграционные потоки, политическое ослабление социал-демократии и размывание ее смычки с профсоюзами, усиление индивидуалистических настроений в обществе. И если рассматривать шведскую модель как социально-экономическую модель, как совокупность сложившихся в XX в. особых характеристик производства и распределения, то о шведской модели, действительно, нужно говорить в прошедшем времени. Однако шведская модель – это не только экономические и социальные отношения, это еще особый тип культуры, поведенческих стереотипов, менталитета, который складывался исторически и не может исчезнуть в короткие сроки. Шведская модель запечатлелась в национальном сознании, стала его базовым элементом, как бы невероятным это не казалось. Это понимают и модераты, не стесняющиеся взять напрокат старые социал-демократические лозунги, и предпринимательский корпус, пытающийся воссоздать при решении назревших проблем в отношениях с работниками Сальшебаденский дух, призванный к жизни в еще «золотые годы» социал-демократии. В атмосферу общественно-политической жизни Швеции по-прежнему не вписываются насилие и радикализм, как правый, так и левый. Несмотря на определенное укрепление в стране праворадикальной партии Шведские демократы, отношение к ней со стороны всех парламентских партий однозначно отрицательное. Несмотря на то что эта партия после выборов 2014 г. стала неким «довеском» для парламентских партий, блоков, не добирающих голоса, нужные для принятия решений, ни одна из них не соглашается даже на кратковременное сотрудничество со Шведскими демократами. И это при том, что лозунги и заявления,

исходящие от этой партии представляются подчас менее жесткими и агрессивными, чем у их аналогов в других европейских странах.

Трудно не согласиться с авторитетным шведским историком и политологом Гуннаром Веттербергом, который пишет: «Шведская модель – это не детали различных социальных механизмов последних десятилетий. Шведская модель скорее способность при широком взаимопонимании находить новые и умные решения проблем, возможно, накопившихся в течение нескольких веков. С этой точки зрения кризис вовсе необязательно означает “смерть” модели. Напротив, именно при таких обстоятельствах она может продемонстрировать свою жизнестойкость»¹⁴.

Публикация: апрель 2015 года.

Материал доступен для скачивания по адресу: www.instituteofeurope.ru/publications/analytics

¹⁴ Веттерберг Г. Новое общество. О возможностях общественного сектора. М., 1999. С. 295.